

Елена Усачева

Проклятие рода Радзивиллов

Часть сборника
Игры бессмертных (сборник)

Елена Александровна Усачева

Проклятие рода Радзивиллов

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3957275
Игры бессмертных : повести: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-44412-0

Аннотация

«Расписание занятий было составлено странно. Каждая неделя имела новую очередность лекций, и вместо того, чтобы записать одну пятидневку, приходилось топтаться около деканата целый час.

Рост Кэт ее в очередной раз подвел. Невысокую девушку постоянно отпихивали от доски с объявлениями. Неожиданно прямо перед ее носом вырастала чья-нибудь спина. Ей приходилось возмущенно вскрикивать, теряя место, откуда списывала. Мысленно проклиная завуча, так нелепо составившего расписание, она принималась изучать столбцы заново, вздыхая в адрес рослых литовских красавцев...»

Елена Усачева

Проклятие рода

Радзивиллов

Расписание занятий было составлено странно. Каждая неделя имела новую очередность лекций, и вместо того, чтобы записать одну пятидневку, приходилось топтаться около деканата целый час.

Рост Кэт ее в очередной раз подвел. Невысокую девушку постоянно отпихивали от доски с объявлениями. Неожиданно прямо перед ее носом вырастала чья-нибудь спина. Ей приходилось возмущенно вскрикивать, теряя место, откуда списывала. Мысленно проклиная завуча, так нелепо составившего расписание, она принималась изучать столбцы заново, вздыхая в адрес рослых литовских красавцев.

– Ты повторяешься, – услышала она над собой мягкий голос. Ручка еще выводила последнюю строчку, но глазами она уже пробежала по выписанным столбцам с названием предметов, замечая, что два последних дублируют друг друга.

– Нечего совать нос в чужие дела! – фыркнула она, так и не подняв голову. В сердцах перечеркнула все. Первая неделя есть – этого достаточно.

Кэт ожидала, что ей ответят, но вокруг стоял ровный гул голосов, справа смеялись. Она обернулась, ища задавалу.

Все старательно писали, и только один как-то странно-равнодушно смотрел на ватманский лист расписания. У парня было красивое широкое лицо, светлые выующиеся волосы, собранные в хвост. Почувствовав к себе интерес, парень обернулся. На Кэт глянули настороженные темные глаза. Вокруг них пролегли «летние» морщинки, какие появляются, когда долгое время находишься на солнце. Парень был явно не домосед: защитного цвета куртка и грубые холщовые штаны, снизу туго затянутые высокими армейскими ботинками, — все это говорило о том, что стоящий перед Кэт человек из рода скитальцев и странников. Те, что не променяют бесконечную дорогу, утреннюю неизвестность и верный походный рюкзак на домашний уют. Такой рюкзак был и у парня. Небольшой, зеленый. Судя по тому, как легко рюкзак был вскинут на плечо, учебниками он был пока не отягощен. Да и вряд ли там удержится больше одной книги.

Парень усмехнулся и пошел прочь. Но одного взгляда сначала недоверчивых, а потом смеющихся глаз Кэт хватило, чтобы хорошее настроение вернулось.

В Вильнюсе она была всего неделю. После суетного тревожного Минска, где постоянно надо было куда-то бежать, преодолевая бесконечное пространство города, небольшая столица Литвы с низкорослым центром и располагающими к степенности старыми улицами поначалу угнетала. Здесь жили на удивление красивые спокойные люди. Они неизменно улыбались на малейшее обращение, легко переходили с од-

ного языка на другой – местные знали английский, литовский, русский, польский, немецкий.

Университет, закрытый от остального города сплошной линией старых зданий, был полон вечного гула переключек и гуляющего эха. У Кэт первые дни кружилась голова. Ее приняли! Она будет учиться в самом престижном университете Европы. И все эти лица вокруг – веселые, беззаботные, – все они станут одной крови: студенческой, бражной и неутомимой. Потом она просто бродила по бесконечным университетским дворам, впитывая в себя голоса, запахи, цвета.

Она вышла на двор Микалоюса Даукши, названный в честь католического каноника, одного из основателей литовской письменности. Старинные трехэтажные здания, тени тех людей, что бродили когда-то по этим дворам, эхо бывших событий – все обещало сюрпризы.

«Что-то будет!» – звенело над головой.

Воздух был прозрачно-чист, словно не находился университет в самом центре Старого города, словно не зажимали его с трех сторон наполненные людьми улицы. Кэт тихо засмеялась, понимая, что опять нафантазировала себе целое приключение. Она встряхнулась, заставляя себя вернуться из прошлого, куда с таким удовольствием убегала – недаром она с отличием окончила школу и поступила именно на исторический факультет, отделение истории культуры, – в настоящее.

Небо было пасмурным, но осенняя прохлада еще не отво-

евала себе место у настойчивого летнего тепла. Резкие нотки прохлады тонули в еще августовских запахах. На дворе сентябрь. В подтверждение этого под ногами уже лежали палые листья – коричневые, скукоженные, с острыми кончиками, словно и после смерти они защищались от неведомых врагов.

Кэт удобней перехватила свою сумку, которую любила носить в руках, а не на плече, и сделала шаг в сторону корпуса, где должна была проходить вводная лекция, и вдруг заметила, что идет за светловолосым парнем. Это совпадение показалось ей странным. Легкой, чуть пружинистой походкой, словно он и сейчас шагает не по булыжнику двора, а по мшистым кочкам леса, парень добрался до двери, пропустил выбегающих на улицу девушек и скрылся в темноте подъезда. Вслед за ним в корпус повалил народ, а Кэт все стояла, понимая, что выглядит сейчас как минимум странно. Она улыбалась. И то ли действовал этот пьянящий осенний воздух, полный горьковатых запахов тлеющих листьев, то ли пасмурное небо, напоминающее о скорой зиме, то ли состояние одиночества, с которым Кэт устала бороться, но она еще шире улыбнулась, впуская в себя чувство легкой влюбленности.

Парень ей казался интересным, даже интригующим. Красив, как все литовцы, наверняка нравится девчонкам, и вдруг – такая походная экипировка. От кого он прячется по лесам и полям? От какой тоски бежит из города? Кто заста-

вил его уйти от людей? Не тайная ли страсть? Не отвергнутые ли чувства? Или причина в другом? Может, он просто боится любви? Хотя нет, с любовью он знаком. Стоит заглянуть в его лукавые глаза, чтобы пропасть.

Кэт невольно коснулась своих коротко стриженных волос, и романтическое настроение улетучилось.

Она была невысокой, худенькой, с маленькими ступнями и кистями рук. И словно в противовес своему внешнему виду, про который всегда говорят: «маленькая собачка до старости щенок», «пацаненок», – в школе она упорно носила юбки и платья, отрастила волосы, чтобы никто никогда не принимал ее за парня. Кэт занималась танцами, неплохо играла на гитаре, но все усилия были напрасны. Ее словно не замечали. Парни могли в ее присутствии начать обсуждать девчонок, а у нее принимались выведывать тайны оболения. Девчонки использовали ее как шпиона в стане врага. А когда Виктор, внимания которого она долго и настойчиво добивалась, вызвал ее на свидание и стал расспрашивать о долговязой Славке, Кэт не выдержала. Отправилась в первую же парикмахерскую, оттуда в магазин и уже на следующий день пришла такой, какой ее хотели видеть окружающие: в джинсах и футболке, в кроссовках, с ежиком волос на голове. Больше ее не волновали ни перешептывания по классу, ни летающие от парты к парте записочки. С этого момента жизнь побежала на удивление легко и гладко. Она не вглядывалась в зеркало, чтобы отыскать в своем отражении изъ-

ян, мешающий парням начать с ней встречаться. Лицо осталось все таким же – треугольным, с узким подбородком, с широким лбом, прячущимся за неизменной челкой, со смуглой кожей, легко ловящей малейшее солнце, с веснушками на маленьком аккуратном носике.

Сегодня Кэт впервые пожалела, что изменилась. В таком виде она никогда не привлечет внимание парня. Она уже проявила себя нескладехой, а это ничего, кроме насмешки, вызвать не может. Осень сразу погасила свои краски, воздух потерял ароматы и больше не манил в далекие исторические странствия. День стал обыкновенным, каких впереди еще будет тысячи.

Аудитория ступеньками поднималась вверх. Кэт по привычке устроилась на первом ряду, чтобы ничья голова не загораживала ей доски.

Высокий подвижный мужчина, профессор Томаш Жицкий, сидел за столом, заполнял бумаги, время от времени поглядывая на собирающихся студентов.

– А знаете, – вдруг без предисловий, не вставая, все еще водя ручкой по бумаге, начал он, – что наш факультет называют кафедрой чародейства и волшебства?

За спиной Кэт загудели, засмеялись.

– Тогда уж лучше Хогвардс, – проявил кто-то свои знания в литературе.

– Английские сказки к нам не имеют отношения! – все еще что-то дописывая, прервал веселые смешки профес-

сор. – Мы будем заниматься древними мифами и легендами, а чтобы проникнуть в их суть, нам придется немного поколдовать.

– На метлах летать будем? – не унимался весельчак.

– Метлами отсюда я буду гнать тех, кто станет пропускать занятия. – Ручка наконец поставила точку и успокоилась. Профессор задерживал взгляд на каждом лице, запоминая новых студентов. – После лекций коллоквиум и сдача зачетов. Раз в неделю будем выбираться на полевую практику.

– Ловить ведьм! – Кто-то явно не понимал, что пора бы уже остановиться.

– Погружаться в Древний мир, – терпеливо объяснял Жицкий, но в конце фразы все же недовольно поджал губы, так что болтуну хорошо было бы уже замолчать. – Попробуем хотя бы мысленно воссоздать жизнь, протекавшую здесь пятьсот, тысячу, а то и две тысячи лет назад. Не получится вжиться в ту эпоху – весь наш курс останется для вас пустой схоластической наукой. Это в понятии современного человека мир существует только для него. Солнце для него встает, реки для него текут, луна только для того придумана, чтобы гнать океанскую волну, на которой так удобно носиться на доске. Древние люди были вписаны в природу, являясь ее частью, а поэтому с магией у них все обстояло гораздо проще.

– Неужели вы верите в водяных и вампиров? – менее жизнерадостно хмыкнул болтун.

Профессор встал, словно вопрос его обидел. Так и выдилось, что одним движением руки он сорвет с себя пиджак, расправит крылья и с горестными восклицаниями унесется в окно, своим собственным примером убеждая сомневающегося студента.

– Это не вопрос веры, – глухо произнес Томаш Жицкий, повернувшись лицом к доске. – Это знание. Чем вера отличается от знания?

– Знания доказуемы, а вера имеет эмоционально-гипнотическое обоснование.

Знакомый голос! Кэт поискала говорящего глазами. Светловолосый парень сидел под потолком, забившись в самый угол. Было видно, что он не собирается бежать из аудитории после звонка в числе первых.

Щелкнули, распахиваясь, створки доски.

– Записывайте! – Профессор пропустил реплику светловолосого, и Кэт это слегка задело. Столько потратить времени на пустозвона и ничего не сказать под конец на дельный комментарий. – На доске список необходимых книг. Большинство из них вами должны быть прочитаны. На перемене советую заглянуть во двор Даукантаса. Это был известный литовский историк и писатель-просветитель. В центре двора растет дуб, посаженный в 1979 году. Постойте рядом с ним, может, что-нибудь для себя поймете. На первом этаже восточного корпуса, перед кафедрой классической филологии, есть мозаики литовских языческих богинь и богов. Испол-

нил их Витолис Трушис. Обратите внимание на Медейну. И Перкунаса. Кстати, Перкунас не только повелитель дождей и гроз, но и покровитель дубов.

– Я во все это не верю! Ни леших, ни оборотней не существует! – Кричавший до этого парень все-таки приподнялся. Невысокий, чернявенький, он нагло улыбался.

– Тогда вам, юноша, надо было идти на математический факультет, а не на историю культуры. Там все более-менее четко. Насколько я понимаю.

– Но то, что все это вымысел, можно доказать!

– Как же вы это сделаете? – Профессор впервые с интересом посмотрел на крикуна.

– Пойду в лес в полнолуние и никого не встречу.

– Или будете искать цветок папоротника и ничего не найдете? – усмехнулся Жицкий. – Ну что же, – он снова оглядел аудиторию, – кто еще оперирует понятиями «верю» – «не верю»? Кто не представляет рядом с собой существование оборотней?

Кэт показалось, что сейчас профессор рассердится настолько, что прыгнет через стол, ударится о землю, и на ошарашенную аудиторию глянут злые волчьи глаза.

Но ничего этого не произошло. Над головами взметнулись руки, послышалось хихиканье.

– А кто – верит? – Учительский голос не стал ни слабее, ни сильнее. По большому счету ему было плевать на мнения сидевших перед ними детей.

– Я верю!

Таким же тоном было сказано: «Ты повторяешься!» Чуть насмешливым, уверенным.

– Я так понимаю, что вы неплохо изучили историю, пан...

– Николай Радзивилл, – поднялся светловолосый.

– Знатная фамилия, – протянул профессор, с прищуром глядя наверх. – Вы имеете какое-нибудь отношение к древнему литовскому роду?

– Если считать одну фамилию родством... – ушел от ответа светловолосый.

– Что же, смело, – кивнул Жицкий. – Надеюсь, как-нибудь расскажете нам историю семьи Радзивиллов. Это будет показательный урок всем неверующим. Потому что вы являетесь живым воплощением нашей истории. – Профессор как-то сразу потерял интерес к происходящему. – Переписывайте названия книг и можете быть свободны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.